

А.А. КОШКИН

БЕССЛАВНЫЕ СРАЖЕНИЯ НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ. К 110-летию русско-японской войны

До середины 90-х годов XIX в. каких-либо признаков намерения Страны восходящего солнца противостоять в военном отношении мощной соседке на севере – России – не отмечалось. Обстановку в Северо-Восточной Азии существенно изменила развязанная Японией в 1894 г. война с Китаем. Хотя свою агрессию Япония осуществляла под лозунгом “защиты независимости” Кореи от Китая, в действительности цели были гораздо шире – обретение стратегически важного плацдарма для вытеснения из региона Китая и России. В значительной степени военное выступление японцев было ответом на российские планы расширения своего влияния в Маньчжурии, строительство здесь российской железной дороги.

Принципиальное значение имел вопрос о том, будет ли железная дорога проходить полностью по российской территории вдоль Амура или в целях экономии ее целесообразнее сократить, пустив по территории Маньчжурии. Считалось, что прохождение российской железной дороги по территории северо-восточных китайских провинций, кроме всего прочего, должно удерживать японцев от попыток подчинить себе эти земли. Для японцев строительство дороги в Маньчжурии явилось зримым свидетельством нежелания России ослаблять свое присутствие в этом экономически и стратегически важном районе. Председатель Тайного совета Японии маршал Аритомо Ямагата в заявлении от 29 июня 1894 г. особо отметил, что Японии не следует ждать, пока Россия завершит строительство Сибирской железной дороги. А представитель Японии в Сеуле Масами Оиси в феврале 1893 г. заявил, что “Дальний Восток должен составлять достояние Японии и Китая, а Европа как их общий враг должна быть изгнана из этих краев”. В своей книге он призывал “изгнать Россию из Сибири вплоть до Урала и обратить ее (Сибирь) в район для колонизации всех наций”. Концепцию будущего столкновения с Россией разделяли и другие высокопоставленные японские политики и дипломаты. Эти стратегические построения поддерживали правительства Великобритании и США, для которых обострение русско-японских отношений было весьма выгодным в целях недопущения обеих держав в центральный и южный Китай, где западные державы имели большие торгово-экономические интересы. В прессе США открыто признавалось, что Вашингтон желал бы усилить Японию в противовес России на Дальнем Востоке.

Японо-китайская война не могла не закончиться победой Японии, ибо, несмотря на численное превосходство китайцев, в плане вооружения и организации войск силы противостоящих сторон были явно неравными.

17 апреля 1895 г. китайское правительство было вынуждено подписать в японском городе Симоносэки мирный договор, по которому признавалась независимость Кореи от Китая, к Японии отходили Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, Тайвань и острова Пэнхуледао. Кроме того, Китай должен был уплатить контрибуции в 200 млн лян

Кошкин Анатолий Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Института стран Востока, член Союза писателей России.

(около 400 млн рублей серебром). Одновременно были оговорены многочисленные привилегии для экономической деятельности Японии в Китае, позволявшие извлекать большие прибыли.

Перспектива подобных территориальных итогов войны серьезно обеспокоила царское правительство. Утверждение в Корее и Южной Маньчжурии означало выход Японии непосредственно к границам России. В Санкт-Петербурге уже тогда в полной мере сознавали возникновение угрозы. Еще до подписания японо-китайского мирного договора было созвано особое совещание министров для обсуждения создавшегося положения. Выступивший на нем министр финансов С.Ю. Витте заявил, что настоящая война направлена прямо против России. “Если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, – предупреждал он, – то для охраны наших владений... потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами”¹. Решено было воспрепятствовать экспансии Японии на континент. В этом Россия нашла поддержку Германии и Франции, которые, оберегая свои интересы на Дальнем Востоке, также не желали усиления Японии в Китае.

По указанию своих правительств 23 марта 1895 г. послы России, Германии и Франции сделали в Токио заявление о том, что Япония должна снять претензии на Ляодунский полуостров и не ставить под угрозу независимость Кореи. Уступая давлению, Токио был вынужден отказаться от установления своего контроля над имевшим важное стратегическое значение Ляодунским полуостровом.

Сложившаяся после японо-китайской войны обстановка характеризовалась российскими генштабистами следующим образом: “Когда война и последние переговоры, порожденные ею, затихли, перед русским правительством открылся труднейший и сложнейший вопрос об установлении новых начал для нашей политики на Дальнем Востоке, новых потому, что японо-китайская война коренным образом изменила всю обстановку на западных берегах Тихого океана”. Необходимо было определиться, кого избрать в союзники в борьбе за интересы России на Дальнем Востоке. Выбор был сделан в пользу Китая: “Не доверяя Японии, видя энергично начатые ею вооружения, оказавшись в противоречии с нею и по Ляотонгскому (маньчжурскому), и по Корейскому вопросам, Россия тогда же сочла ее своим врагом, требовавшим для борьбы с собой известной подготовки”.

Несмотря на то, что Россия выступила противником осуществления японских экспансионистских планов, в Токио не отказались от программы колониальных захватов. На средства, полученные в виде контрибуции с Китая, и при финансовой поддержке Великобритании и США японское правительство приняло решение в несколько раз увеличить тоннаж военного флота и численность сухопутных войск.

Со своей стороны, Россия ускорила строительство Сибирской железной дороги. Одновременно увеличивалась численность русских войск на Дальнем Востоке, укрепляясь, превращаясь в приморскую крепость, Владивосток. Не допустив японцев на Ляодунский полуостров, царское правительство вознамерилось само арендовать расположенные на этом стратегически важном участке китайской территории незамерзающие порты для своего Тихоокеанского флота – Порт-Артур и Даляньван (Дальний). При этом руководствовались в первую очередь соображениями обороны дальневосточных областей России. На состоявшемся в феврале 1898 г. совещании царских министров отмечалось, что “Япония в самом начале уже тогда замышлявшаяся ею войны против нас легко вторично овладеет Порт-Артуром, в то время как у нас не закончена еще Сибирская железная дорога”². 27 марта был подписан русско-китайский договор, по которому Порт-Артур и Даляньван передавались в арендное пользование России на 25 лет. Россия получила на арендованной территории права юрисдикции. Порт-Артур

¹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М. – Л., 1955, с. 29.

² Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904–1905. М., 2004, с. 23.

был открыт только для русских и китайских судов. Россия получила также право построить железнодорожную ветку к побережью Ляодунского полуострова.

Тогдашняя российская политика характеризовалась следующим образом: «В 1897 г. в Царском Селе под председательством царя было принято решение занять Порт-Артур. Министр иностранных дел Михаил Муравьев, при поддержке военного министра Петра Ванновского, настаивал в совещании на необходимости захватить эту опорную точку, как крайне важный, влиятельный базис России на Дальнем Востоке.

Один лишь министр финансов Витте высказался против этого шага. Царь присоединился к мнению Муравьева. Таким образом, Россия решила отправить свой флот в Порт-Артур, под предлогом якобы защиты Китая от его врагов. В действительности же в течение трех месяцев велись переговоры со “Срединной Империей”, которая умоляла Россию не проявлять своей дружбы к ней в такой неприятной форме.

Наперекор этим просьбам русская эскадра, миновав Владивосток, в начале 1898 г. высадила свои войска в Порт-Артуре, вызвав этим величайшее негодование в Японии»³.

На глазах японцев, у них под боком в незамерзающем порту создавалась основная военно-морская база русской Тихоокеанской эскадры. В результате, как заметил современник, “Россия и Япония сблизилась до расстояния выстрела из пистолета”⁴.

Создание Россией военно-морских баз в непосредственной близости от Японских островов, да еще на территории, на которую претендовала сама Япония, неизбежно вызвало в этой стране всплеск антирусских настроений, стимулировало подготовку к войне. “Ляодунский инцидент, – сообщал из Токио русский военный агент, – послужил поводом к необычайным вооружениям Японии”. Реагируя на тревожные сообщения из Токио, российское правительство было вынуждено срочно усиливать свой флот. В ноябре 1895 г. на специальном Особом совещании отмечалось, что рост военно-морских сил Японии представляет серьезную угрозу для России. Совещание констатировало: “России необходимо теперь же... выработать программу судостроения для Дальнего Востока с таким расчетом, чтобы к окончанию судостроительной программы Японией наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский”.

Дабы избежать дальнейшего обострения российско-японских отношений, было решено пойти на уступки Японии в корейском вопросе. После серии переговоров русский посланник в Токио Р.Р. фон Розен и японский министр иностранных дел Т. Ниси 25 апреля 1898 г. подписали протокол, предусматривающий, что Россия не будет препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей. Царскому правительству пришлось отозвать финансовых и военных советников из Сеула.

К позитиву в российско-японских отношениях в тот период можно отнести вступление в силу в 1899 г. заключенного в 1895 г. на выгодных для Японии условиях Трактата о торговле и мореплавании.

Начало XX в. было ознаменовано разворачиванием в Китае широкого антиимпериалистического движения народных масс. Возглавляло это движение сопротивление закабалению китайского народа тайное общество “Ихэтуань”, что можно перевести как “Кулак, поднятый в защиту справедливости”. Это общество, а затем и все движение было названо за рубежом “боксерским”. В движении принимали участие разоренные крестьяне, ремесленники, лодочники, кули и другие обездоленные слои населения, которые видели причину своего бедственного положения в засилье “заморских дьяволов”, т.е. иностранцев европейского происхождения. Наибольший размах сопровождалшееся погромами и нападениями на иностранцев восстание народа получило в Шаньдуне. Попытки китайских властей жестокими методами обуздать восставших результата не дали, и 14 июня 1900 г. отряды “боксеров” вошли в Пекин.

³ Малоизвестные страницы Русско-японской войны 1904–1905 годов, кн. 1. М., 2005, с. 21.

⁴ Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994, с. 8.

Видя беспомощность властей, иностранные державы решили взять карательные функции на себя. Была создана иностранная объединенная армия, основу которой составили японские и русские солдаты. 14 августа иностранные войска овладели столицей, разделив ее на “зоны ответственности”. Это обеспокоило Токио и столицы европейских колониальных держав. Против закрепления русских позиций в Маньчжурии выступили не только японцы, но и западные державы, выдвинувшие лицемерный лозунг “сохранения целостности Китая”. Поэтому российское правительство наряду с общими переговорами в Пекине о расширении привилегий иностранных государств и размере контрибуции за подавление “боксерского восстания” параллельно вело и сепаратные переговоры с китайскими властями о правах России в сопредельных северо-восточных провинциях. При этом в правительственных кругах Санкт-Петербурга существовало две точки зрения на маньчжурскую проблему. Согласно первой, которую отстаивали министр финансов Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, считалось возможным в случае разнообразных уступок со стороны центрального китайского правительства вывести русские войска из Маньчжурии. Им противостоял военный министр А.Н. Куропаткин, который предлагал аннексировать северную часть Маньчжурии, естественно, при сохранении на ее территории русских войск.

Его поддерживал командующий Приамурским военным округом генерал Н.И. Гродеков, который считал, что передача китайцам правого берега Амура явится смертным приговором для амурского побережья России. “Китайцы очень скоро войдут в силу, – писал Гродеков, – будут в состоянии со своего берега разгромить наши поселения и сделают невозможным для нас всякое сообщение по названной реке”⁵. Генерал настаивал на присоединении к русским владениям части Маньчжурии по правому берегу Амура и левому берегу Усури. Как видно, в основе этой позиции лежали соображения в первую очередь стратегического характера.

Витте же предлагал действовать главным образом путем экономического подчинения Маньчжурии и дальнейшего проникновения в Китай при помощи русских банков и компаний. Он решительно возражал против новых территориальных приобретений в Китае с использованием военной силы. Выступив против предложений Гродекова, российское правительство 25 августа заявило о следующей позиции: “Как скоро в Маньчжурии будет восстановлен прочный порядок и будут приняты все необходимые меры к ограждению рельсового пути ... Россия не преминет вывести свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав”⁶. Иными словами, вывод войск был обусловлен гарантией свободы действий России в Северо-Восточном Китае.

Российско-китайские переговоры о Маньчжурии сопровождались нажимом Японии, США и европейских держав, стремившихся устранить Россию из Маньчжурии. Это вынудило Санкт-Петербург довести 3 апреля 1901 г. до соответствующих правительств следующее: “Ввиду агитации, возбужденной повсюду распространявшимися ложными известиями касательно отдельного между Россией и Китаем соглашения... вышеупомянутое соглашение предполагалось заключить для того, чтобы, как только окажется возможным, приступить к постепенному выполнению заявленного Россией намерения возвратить Китаю Маньчжурию”⁷.

8 апреля (26 марта) 1902 г. между Россией и Китаем было подписано соглашение о поэтапном выводе из Маньчжурии всех русских войск. При этом российскому правительству удалось внести в соглашение оговорку о том, что войска будут выведены, “буде не возникнет смут, и образ действий других держав тому не воспрепятствует”⁸. Восприняв обещание “очистить” Маньчжурию от российских войск как уступку под

⁵ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973, с. 208.

⁶ Там же, с. 208–209.

⁷ Пролог русско-японской войны. Пг., 1916, с. 162.

⁸ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952, с. 325.

давлением противостоявших держав, японское правительство решило, развивая успех, добиться от России признания своих исключительных прав на Корейском полуострове. Оказывавший заметное влияние на российскую внешнюю политику Витте считал, что Россия не должна идти на риск вооруженной конфронтации с Японией из-за Кореи. Он разъяснял: “Из двух зол – вооруженного столкновения с Японией и полной уступки им Кореи – в ближайшем будущем для России является меньшим второе”. И далее: “Нельзя забывать, что война с Японией была бы не только тяжела сама по себе, но ослабит нас на Западе и на Ближнем Востоке. Прекрасно понимая всю опасность для нас войны на два фронта, эти недоброжелатели станут все смелее и смелее ставить свои требования и заявлять нам такие притязания, о которых никогда не осмелились бы подумать, если бы у России не были связаны руки вооруженной борьбой на Дальнем Востоке”⁹. Хотя геополитические выкладки Витте были весьма убедительны, они не производили должного впечатления на сторонников силовых методов, недооценивавших возрастающую военную мощь Страны восходящего солнца.

В целом же стержнем российской дальневосточной политики оставалось утверждение России в Маньчжурии на долгое время. Противоречия между двумя соперничавшими при дворе группировками – фаворита царя, ротмистра А.М. Безобразова, с одной стороны, и С.Ю. Витте, с другой, – сводились к тому, каким путем добиваться полного такого утверждения. Если группа Безобразова не останавливалась перед войной с Японией, то Витте и его сторонники предлагали добиваться целей России на Дальнем Востоке, по возможности не доводя дело до войны или, по крайней мере, оттянув начало войны, чтобы лучше к ней подготовиться.

Выработка того или иного курса диктовалась не только интересами государства, но и корыстными целями “безобразовской клики”, объединявшей авантюристически настроенных дельцов, стремившихся быстро обогатиться за счет эксплуатации естественных ресурсов Кореи, в частности лесных концессий на реке Ялу. Для этого была создана промышленная компания, среди учредителей которой было немало представителей высшей русской аристократии и придворных. Деятельность этой компании поддерживали министр внутренних дел В.К. Плеве и сам Николай П. Карьера Безобразова стремительно пошла вверх – в мае 1903 г. он был возведен в звание статс-секретаря, и ему было поручено совместно с генералом А.Н. Куропаткиным и адмиралом Е.И. Алексеевым разработать вопрос об утверждении экономического влияния России на Дальнем Востоке. После отставки Витте в августе 1903 г. с поста министров финансов влияние Безобразова на царя по вопросам дальневосточной политики еще больше усилилось. Несмотря на очевидную неподготовленность России к войне, заинтересованные в корейских авантюрах группы не желали отказываться от своих планов дальнейшего овладения богатствами Маньчжурии и Кореи и устранения здесь конкурентов, в первую очередь Японии.

Со своей стороны, воодушевленное союзом с Великобританией и поддержкой США японское правительство ужесточило свою позицию к России. В переданном 12 августа 1903 г. правительству России проекте соглашения Токио открыто потребовал ухода русских из Маньчжурии и признания широких интересов Японии, как в Корее, так и в Северо-Восточном Китае. В создавшихся условиях царскому правительству было трудно в полном объеме выполнить данное обещание полностью вывести свои войска с территории Китая, ибо в этом случае Китайско-восточная железная дорога (КВЖД) оставалась под прикрытием лишь малочисленной охраны и создавалась угроза вытеснения России из Маньчжурии с опасностью перспективы выхода японской армии на российско-маньчжурскую границу. Поэтому в ответе на японские предложения содержалось согласие России лишь на ограниченное влияние Японии в Корее в плане улучшения гражданского управления. В русском проекте соглашения предусматривался отказ обеих сторон от военного использования Корейского полуострова и признание Маньчжурии во всех отношениях вне “сферы японских интересов”.

⁹ Международные отношения на Дальнем Востоке, с. 221.

О том, что Россия будет твердо отстаивать свои интересы в Северо-Восточной Азии, свидетельствовало создание Николаем II дальневосточного наместничества во главе с адмиралом Алексеевым, которому передавались широкие полномочия для решения экономических, политических и даже дипломатических вопросов, минуя министерство иностранных дел.

Объективный анализ складывавшейся на Дальнем Востоке ситуации приводит к выводу о том, что японско-русская война¹⁰ возникла в результате двух экспансионистских потоков со стороны царской России и императорской Японии. Своекорыстные интересы правящих кругов двух стран выросли в столь острое противоречие, которое можно было разрешить только силой. По сути дела к такому выводу пришла и созданная после войны военно-историческая комиссия российского генштаба, в аналитических материалах которой отмечалось: “Конец июля 1903 г. явился гранью, отделившей период, хотя и затяжной, но, во всяком случае, дипломатической борьбы на Дальнем Востоке от периода, когда надвигавшаяся война становилась вопросом только тех или иных дней. Основные же причины указанной перемены необходимо искать: по отношению к России – в тех решениях, которые были приняты по приезду А.М. Безобразова с Дальнего Востока в апреле месяце, а по отношению к Японии – в той полной готовности к войне, которой она достигла еще весной 1903 г., и которую, очевидно, нужно было использовать с наибольшей полнотой и с наиболее яркими и цельными последствиями”¹¹.

Как известно, разразившаяся война велась на территории третьих стран, которые стали объектом колониальных империалистических устремлений России и Японии. Отсюда обоюдная вина алчных правителей двух государств. Однако инициатором и агрессором выступила именно Япония, нарушившая русско-японские договоры, провозглашавшие “постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией”.

Признавая вероломный характер нападения, современные японские историки в то же время пытаются изыскивать оправдания тогдашних действий своей страны. Они пишут: “Главная причина японско-русской войны заключается в том, что, осуществив мощное увеличение сухопутной армии, Россия стала серьезно наращивать свои силы в Маньчжурии и с каждым днем усиливала свое давление на Корейском полуострове... Для Японии японско-русская война являлась в буквальном смысле слова битвой, в которой решался вопрос о том, сохранится ли она как государство или прекратит свое существование.

То обстоятельство, что она напала без объявления войны – это правда. Однако прежде, чем переступить грань войны, Япония, объявив о разрыве межгосударственных отношений, молчаливо выразила свою волю в отношении войны.

Япония заразилась хищнической манерой поведения других держав Европы и Америки. Пожалуй, можно считать, что типичным примером этого является японско-китайская война (1894–1895)... Одержав победу, Япония отторгла от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров... Объединившись с Германией и Францией, Россия оказала давление на Японию, и она возвратила Китаю Ляодунский полуостров... Прибегнув к силе, Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров... В результате растущих аппетитов России в отношении Кореи противостанье между Японией и Россией приобрело решительный характер... Стремясь устоять влияние России на Корейском полуострове, Япония выдвигала различные компромиссные предложения, но Россия их проигнорировала и даже, наоборот, продолжала наращивать свои войска на Дальнем Востоке В январе 1904 года в России был отдан приказ о мобилизации войск на Дальнем Востоке и в Сибири. И тогда Япония прервала дипломатические

¹⁰ На наш взгляд, название “японско-русская война” более соответствует исторической действительности, ибо именно Япония явилась инициатором начала военных действий. Так эта война именуется и в японской историографии.

¹¹ Россия и Япония на заре XX столетия, с. 463.

отношения с Россией и, нанеся удар по порту Порт-Артур, разожгла пожар японско-русской войны”¹².

Стремление японских авторов возложить основную вину за начало войны на Россию и по возможности оправдать свою страну понятно. При этом очевидно намерение представить Японию не активным участником империалистической борьбы, а чуть ли не невинной жертвой российской политики, якобы вынужденно напавшей на своего могущественного северного соседа от отчаяния, защищая свое “право на существование”. В действительности же Россия никогда не угрожала собственно Японии, не помышляла завоевывать японскую метрополию и рассматривала это государство лишь как одного из геополитических соперников на Азиатском континенте. Японские правящие круги были озабочены не выживанием и защитой независимости своей нации, а утверждением путем победоносных войн своей страны в качестве государства, способного вытеснить европейцев и американцев из Восточной Азии и создать здесь “Великую империю Ямато”.

Попытки оправдаться тем, что японское правительство, прервав-де дипломатические отношения, тем самым как бы предупредило Санкт-Петербург о скором начале войны, едва ли можно признать состоятельными. Напротив, японское командование предпринимало все возможное для обеспечения внезапности нападения. Не исключено, что заявление о разрыве отношений преследовало цель спровоцировать Россию на первый удар, что делало бы ее зачинщиком войны. Однако следует признать, что намерение возложить ответственность за войну на японцев было и у русского царя. 26 января 1904 г. Николай II телеграфировал своему наместнику Алексею: “Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия. Поэтому, если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в южную Корею или на восточный берег до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без него перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны. Надеюсь на вас. Помоги вам Бог!”¹³.

Этим указанием царя предшествовала “циркулярная телеграмма министра иностранных дел императорским российским представителям за границей” от 24 января 1904 г., в которой ответственность за возможное крайнее обострение отношений возлагалось на японскую сторону. Телеграмма гласила: “По поручению своего правительства, японский посланник при Высочайшем Дворе передал ноту, в коей доводится до сведения императорского правительства о решении Японии прекратить дальнейшие переговоры и отозвать посланника и весь состав миссии из Петербурга.

Вследствие сего Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы российский посланник в Токио со всем составом императорской миссии безотлагательно покинул столицу Японии.

Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на днях ответа императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями”¹⁴.

Последствия не заставили себя долго ждать. В ночь на 27 января (8 февраля) 1904 г. без объявления войны Япония начала военные действия против России. Японский флот под командованием адмирала Х. Того напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Одновременно японцы высадили десант в Корею. В донесении Того от 28 января сообщалось: «Соединенный флот, покинув Сасэбо 26 января, направился, как было проектировано. Наши миноносцы атаковали неприятеля в полночь 26-го сего месяца. В то время большая часть русских военных судов находилась на внешнем рейде Порт-

¹² Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. М., 2000, с. 55–57.

¹³ *Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1956, с. 68.

¹⁴ Малоизвестные страницы Русско-японской войны..., с. 37–38.

Артура, и я могу сказать с уверенностью, что военное судно типа “Полтава”, крейсер “Аскольд” и еще два судна получили повреждения.

Наш флот появился перед входом в Порт-Артур в 10 часов утра 27 января и около полудня атаковал русский флот, который все еще находился на внешнем рейде. Атака продолжалась около 40 минут. Результаты еще не вполне известны, но, я думаю, что это причинило неприятелю немало вреда и сильно деморализовало его. Кажется, суда неприятеля втягиваются одно за другим на внутренний рейд. В 1 час дня я прекратил сражение и приказал моему флоту покинуть место действия. В этом бою нашему флоту причинен весьма небольшой вред, и его боевой готовности не нанесен почти никакой ущерб. Потери около 58 человек, в том числе 4 убито и 54 ранено»¹⁵.

В ту же ночь моряки русского крейсера 1-го ранга “Варяг” и канонерки “Кореец” самоотверженно сражались с превосходящими силами японского флота в корейском порту Чемульпо. Предпочитая смерть сдаче в плен, русские моряки сами затопили свои корабли.

Так под покровом ночи Япония развязала войну с Российской империей. В то время лишь немногие могли предсказать победу молодой дальневосточной державы. Американский исследователь международных отношений на Дальнем Востоке Дж. Ленсен отмечал: “Начало войны между Россией и Японией в 1904 г. не явилось неожиданностью. Наблюдатели многих стран, включая Россию, ожидали ее. Но никто, кроме японцев, не верил в поражение русской сухопутной армии”¹⁶. Военные обозреватели России писали в 1903 г.: “Невероятно, чтобы русский флот потерпел поражение, невероятно также и то, что японцы будут высаживаться в Чемульпо и Ляодунском заливе”. Однако все произошло именно так.

ЧЕРЕДА ПОРАЖЕНИЙ

Генеральный штаб русской армии до самой войны с Японией не имел разработанного плана войны на Дальнем Востоке. Планированием боевых действий на случай войны в этом регионе занимался штаб Приамурского военного округа. Разработанный в конце 1898 г. план имел пассивно-оборонительный характер и предусматривал защиту Южно-Уссурийского края и Порт-Артура до прибытия главных сил из центральных районов России. При этом боевые действия сухопутных войск не координировались с операциями флота. Пассивная оборона предусматривалась и утвержденным в августе 1901 г. Николаем II новым планом, согласно которому боевые действия русских войск должны были развиваться в зависимости от действий противника. Ставились ограниченные задачи по удержанию Владивостока и Порт-Артура. При этом допускалось даже “отказаться от обороны Сахалина и не только не увеличивать число войск, там расположенных, но, напротив того, уменьшить их до последней возможности”¹⁷.

Наступательные действия планировались не ранее семи месяцев после начала войны, т.е. после создания численного превосходства русской армии над японской. Столь большой срок для переброски войск был вызван незавершенностью строительства Сибирской железнодорожной магистрали, а потому ее низкой пропускной способностью. По разработанному осенью 1903 г. плану, накопив достаточно войск, русская армия должна была вытеснить японцев из Маньчжурии и Кореи и завершить войну разгромом японских вооруженных сил непосредственно на Японских островах.

К планированию войны с Японией на море также приступили с большим опозданием – лишь в 1901 г. Первоначально предусматривалось, что базирование главных сил Тихоокеанской эскадры будет осуществляться во Владивостоке. Однако назначенный в 1903 г. заместником на Дальнем Востоке адмирал Алексеев добился сосредоточения флота в Порт-Артуре, дабы “приблизить его к театру военных действий”.

¹⁵ Там же, с. 50.

¹⁶ *Lensen G.A. The Russo-Chinese War. Tallahassee, 1967, p. 282.*

¹⁷ История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977, с. 95.

Перед флотом ставились задачи: воспрепятствовать проникновению японского флота в Желтое море и не позволить противнику высадить войска на западном берегу Кореи. С этой целью на предполагаемых направлениях действий японского флота предусматривалась постановка минных заграждений, в первую очередь у Порт-Артура и Владивостока. В целом же для флота также определялась тактика пассивной обороны до подхода подкреплений. В инструкции командиру Тихоокеанской эскадры предписывалось “как можно дольше сохранить свои морские силы и никоим образом не проводить рискованные предприятия, хотя бы и смелые, каких, наверно, от флота будет ждать общественное мнение и даже часть личного состава”¹⁸.

С другой стороны, планы Японии на войну против северного соседа были тщательно разработаны и имели активно-наступательный характер. В стратегическом отношении японское командование исходило из неподготовленности России к войне на Дальнем Востоке и преимуществах Японии в связи с ее близостью к театру военных действий. Благоприятно складывалась для Токио и внешнеполитическая ситуация, когда его союзные отношения с Великобританией практически исключали помощь России со стороны других европейских государств.

Свидетельством того, что вооруженные столкновения начались отнюдь не спонтанно из-за антияпонской политики России, являлась развернутая задолго до начала войны и охватившая не только дальневосточные районы, но практически всю российскую территорию, а также Маньчжурию и Корею шпионско-разведывательная деятельность японских генерального и главного морского штабов. В результате японское командование имело достаточно подробные данные о наличных воинских частях и военно-мобилизационных возможностях России.

Кроме информации чисто военного характера засланные в Россию японские лазутчики активно собирали сведения о внутривнутриполитическом положении страны, в частности о росте недовольства народа своим тяжелым положением, деятельности революционных организаций, направленной против царизма, за социально-экономические преобразования в стране. Характеризовавшие нарастание революционной ситуации внутренние волнения, необходимость для властей использовать часть войск для подавления антиправительственных выступлений, апатия народных масс серьезным образом учитывались японским командованием при планировании войны. Расчет делался и на то, что война на чужой неведомой территории за непонятные цели скажется на моральном духе русских войск. И этот расчет в значительной степени оправдался. Генерал Куропаткин признавал, что при мобилизации “запасные собирались без одушевления и частью с унынием”¹⁹.

Если план русских состоял в том, чтобы не вести активных боевых действий до сосредоточения в Маньчжурии крупных сил, то японцы преследовали прямо противоположные цели – в первые же дни войны завоевать господство на море, уничтожив или блокировав Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре. После высадки в Корею и на Ляодунский полуостров предусматривалось разгромить русскую армию в Маньчжурии до подхода войск из центральных районов России. Одновременно надлежало захватить весь остров Сахалин. В основе стратегии Японии лежала идея быстрой победы, ибо одержать верх над могущественной Российской Империей в длительной войне было невозможно.

В пользу Японии было то, что русскому командованию не удалось правильно определить наличные силы и мобилизационные возможности противника, а потому оно относилось к нему с явной недооценкой. Так, генерал Куропаткин исходил из того, что Япония сможет выставить в войне лишь около 125 тыс. солдат и офицеров, при наличии резервов в 400 тыс. человек. На деле же к февралю 1904 г. сухопутные силы японской империи насчитывали 850 тыс. обученных солдат, а со всеми видами резервов для пополнения ее численность составляла 4 250 тыс. человек. К 1 января 1904 г.

¹⁸ Там же, с. 99.

¹⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг., т. 1. СПб., 1910, с. 750.

русские войска на Дальнем Востоке насчитывали 94,6 тыс. солдат и 3,2 тыс. офицеров. Японцы же подготовили для войны 142,6 тыс. солдат и 8,1 тыс. офицеров.

К моменту нападения Японии русская эскадра на Дальнем Востоке состояла из 7 эскадренных броненосцев, 4 броненосных и 7 легких крейсеров, 37 эскадренных миноносцев и миноносцев и 2 минных крейсеров (минных заградителей). В русской эскадре было на один броненосец больше, но у японцев было вдвое больше броненосных и легких крейсеров. Серьезным недостатком русской эскадры было то, что в нее входили как новые корабли, так и устаревшие, имевшие слабое бронирование и недостаточную скорость хода. В японском же флоте преобладали корабли новой постройки. К началу войны Япония располагала флотом в 168 кораблей водоизмещением 265 тыс. тонн. Все боеспособные корабли были сведены в Соединенный флот. Командование им было поручено вице-адмиралу Х. Того, имевшему опыт боевых действий на море во время японско-китайской войны.

После внезапного нападения на Порт-Артур русская эскадра не потеряла своей боеспособности. Однако согласно указанию Алексеева ответные действия были ограничены лишь постановкой минных заграждений, чтобы не допустить японские корабли к Порт-Артуру и Даляню (Дальнему). Японцы же задались целью запереть русские корабли на внутреннем рейде. Для этого в ночь на 11 (24) февраля была предпринята попытка проникнуть во вход на внутренний рейд и затопить на фарватере пароходы-брандеры. Однако огнем береговых батарей и эскадры удалось сорвать этот японский план.

24 февраля (8 марта) в командование Тихоокеанской эскадрой вступил один из лучших адмиралов русского флота, проявивший себя в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. вице-адмирал С.О. Макаров. Новый командующий являлся сторонником активных наступательных действий, но он видел слабости и серьезные недостатки вверенной ему эскадры. В своем рапорте наместнику он писал: “Несмотря на всякие несовершенства и недостатки... я нахожу, что мы могли бы рискнуть теперь же попробовать взять море в свои руки и... постепенно увеличивать район действий эскадры; я предусматриваю генеральное сражение, хотя благоразумие подсказывает, что теперь еще рано ставить все на карту”.

Боевые действия японцев на море сопровождалось началом высадки их сухопутных сил в Корею. Перед русской Маньчжурской армией Алексеев поставил задачу: “Притянуть на себя японскую армию, дабы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур, и задержать ее наступление через р. Ялу и далее к линии Китайской Восточной железной дороги с целью выиграть время для сосредоточения наших резервов, подходящих из Западной Сибири и Европейской России... Выставив заслон в стороне от Кореи, смотря по обстоятельствам, действовать... на тылы сообщения противника, оперирующего против Артура”²⁰.

Из-за недостатка сил и их разбросанности выполнить эти задачи было трудно – во второй половине марта японцы заняли Пхеньян, а к 10 (23) апреля 45-тысячная 1-я армия под командованием генерала Т. Куроки завершила сосредоточение на левом берегу р. Ялу. Перед противостоявшими этой армии русскими войсками была поставлена противоречивая задача: “Всеми мерами избегать решительного боя с превосходящим в силах противником и не допустить подвергнуть себя поражению до отхода на главные силы нашей армии”, и в то же время надлежало “дать противнику отпор с должной твердостью, но и с благоразумием”²¹.

Первое серьезное сражение произошло в середине апреля на р. Ялу, в котором русская армия потерпела поражение. Подавив русскую оборону, японская армия стала продвигаться в Маньчжурию. В мае японские армии, высадившись на Ляодунском полуострове, блокировали Порт-Артур. Для обороны крепости были выделены 4 дивизии и 1-й Сибирский корпус. Однако даже при таком усилении соотношение сил

²⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941, с. 22–23.

²¹ История русско-японской войны 1904–1905 гг., с. 147.

складывалось в пользу японской стороны. 30 мая японцы захватили незащищенный порт Дальний. Армия генерала М. Ноги продолжала осаду Порт-Артура, а армия генерала Оку Ясуката с основными силами двинулась на север, в Маньчжурию. В сентябре японские войска предприняли второй штурм крепости. Японские офицеры гнали солдат в многочисленные атаки, не считаясь с потерями.

Бетонные казематы разрушались обстрелом из 11-дюймовых гаубиц. Несмотря на героизм защитников крепости, в течение трех месяцев отбивавших штурмовавших ее японцев, и решение большинства участников заседания военного совета продолжать оборону, командующий русскими войсками на Квантунском полуострове генерал-адъютант А.М. Стессель 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) подписал капитуляцию. Однако победа дорого обошлась Японии – ее армия потеряла в общей сложности более 110 тыс. человек и 15 боевых кораблей. 16 кораблей получили серьезные повреждения. Командующий осадной армии генерал Ноги Марэсуке признавался впоследствии: “Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю, – это стыд и страдание, что мне пришлось потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие”²². Другими словами: несмотря на многократное превосходство в силах, японской армии не удалось овладеть крепостью в открытом бою.

Падению Порт-Артура предшествовала Ляоянская операция, которая, несмотря на превосходство в силах и средствах, также окончилась неудачей для русской армии. С потерей в конце августа Ляояна в руки японцев перешла весьма важная база русских войск в Маньчжурии с большими запасами вооружения, снаряжения и продовольствия. В ходе этой операции русские потеряли 541 офицера и 16 493 рядовых, японцы – 600 офицеров и 23 243 рядовых.

После трех месяцев позиционного противостояния, дабы не допустить вызванной чередой поражений деморализации русской армии правительство решило предпринять широкое наступление в Маньчжурии. К этому времени после отзыва Алексеева в Петербург главнокомандующим всеми войсками на Дальнем Востоке стал генерал Куропаткин, которому было поручено разработать план наступления и осуществить его. В основу плана была положена идея нанесения разновременных ударов с целью вытеснения противника из определенных районов. Ставила задача овладеть позициями между р. Хуньхэ и Шахэ, после чего отбросить противника за р. Тайцзыхэ.

Первые сражения были предприняты 12–15 января 1905 г. Добившись ценой немалых потерь определенного успеха и потеснив противника, русские войска неожиданно были остановлены и отведены на прежние позиции. Избегавший активных наступательных действий Куропаткин из-за своей нерешительности не позволил закрепить успех.

К началу февраля в русской Маньчжурской армии насчитывалось более 300 тыс. человек. Силы японцев составляли 270 тыс. человек, но их армия в четыре раза превосходила русскую по количеству пулеметов, что создавало большое преимущество.

Недостатком русских войск было их развертывание для проведения Мукденской операции на 100-километровом фронте на одну линию, что весьма затрудняло осуществления быстрого маневра. Японское же командование, не имея общего превосходства в силах, планировало сосредоточение сил на определенных направлениях. В пользу японцев было и то, что им удалось упредить намеченное на 12 (25) февраля начало наступления войск Маньчжурской армии. Свое наступление они предприняли 5 февраля, захватив инициативу в развернувшемся сражении.

После нескольких дней ожесточенных боев, в которых солдаты и офицеры обеих сторон демонстрировали образцы храбрости и героизма, 24 февраля (9 марта) японским войскам удалось прорвать фронт русских восточнее Мукдена и переправиться через р. Хуньхэ. Отчаявшись, потерявший веру в успешном завершении Мукденской операции генерал Куропаткин отдал приказ об отступлении. Ответственность за оче-

²² Подробнее см.: *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. М., 1952.

редное поражение русской армии была возложена на командующего – он был смещен с должности.

Под Мукденом общие потери русских убитыми, ранеными и пленными составили около 90 тыс., японцы же потеряли 71 тыс. человек. Хотя результаты сражения означали крупный успех японских войск, им не удалось завершить операцию разгромом русских армий, которые довольно быстро не только восстановили боеспособность, но и были значительно пополнены. К концу августа в составе русских армий на Маньчжурском театре военных действий насчитывалось 788 тыс. человек, 150 тыс. человек находились в Приморье и в тылу. При этом планировалось дальнейшее наращивание сил. Мобилизационные и финансовые ресурсы Японии иссякали. Токио требовалось решающее сражение, которое убедило бы русское правительство признать, если не поражение, то, по крайней мере, неспособность удержать Корею и Маньчжурию. К решающему сражению стремилось и царское правительство, вознамерившееся победой на море взять реванш за поражения своих сухопутных сил. С этой целью на Дальний Восток направлялась Балтийская эскадра под командованием адмирала З.П. Рожественского.

Покинув 15 октября 1904 г. Либавский порт, эскадра достигла театра военных действий лишь в мае следующего года, когда японцы уже всесторонне подготовились к предстоящим сражениям. Японское командование считало возможными три варианта плана русских. Во-первых, переход во Владивосток, чтобы опираясь на эту базу, начать боевые действия против японского флота. Во-вторых, переход в Южно-Китайское море, откуда эскадра стала бы постепенно вытеснять японские корабли на север. В-третьих, захват опорного пункта близ Формозы (Тайвань) или на одном из Японских островов и создание там базы, позволяющей эскадре готовиться к предстоящим боям за господство на море. Исходя из этих вариантов, командующий Соединенным флотом адмирал Того Хэйхатио счел выгодным разместить свои основные силы в Корейском проливе, откуда можно было выдвинуться навстречу русским кораблям при любом развитии обстановки.

У Рожественского же никакого разработанного плана на сражение не было – принимать решения предстояло в зависимости от действий японского флота. Тем самым инициатива заведомо отдавалась противнику. Командующий видел своей главной задачей прорыв во Владивосток. При этом считалось, что потери при прорыве будут не столь велики. Из соображений экономии топлива было решено идти кратчайшим путем через Корейский пролив. Это создало для японцев большое преимущество, так как, видя все маневры и перестроения русской эскадры, можно было легко выбирать наиболее уязвимые цели. При этом ставилась задача как можно скорее поразить сосредоточенным огнем флагманские корабли русских, лишив эскадру управления. Не ограничиваясь боевыми действиями в светлое время суток, японское командование планировало многочисленные ночные атаки миноносцев с тем, чтобы не дать русским оправиться от последствий дневных боев.

Морское сражение началось 14 (27) мая 1905 г. в узком Цусимском проливе, войдя в который эскадра растянулась на несколько миль. Японцы стремились с самого начала охватить головные русские корабли. Рожественский также попытался сосредоточить огонь своих кораблей на флагманском броненосце “Микаса”. Однако сразу же проявилось превосходство японцев в артиллерии и слабость бронирования русских кораблей. Пушки русских из-за недостаточной дальности стрельбы часто просто не доставали кораблей противника. Японцы же набрасывались на избранные цели крупными силами.

Довольно быстро сосредоточенным огнем из строя были выведены флагманские корабли – броненосцы “Ослябя” и “Князь Суворов”. Во главе эскадры стал броненосец “Император Александр II”, а затем его сменил броненосец “Бородино”, который скоро также был подбит. В результате дневного боя 14 мая из 4 новых эскадренных броненосцев три и несколько других кораблей погибли, что привело к уничтожению боевого ядра Второй Тихоокеанской эскадры. С наступлением темноты с целью до-

бить оставшиеся русские корабли было послано 60 японских миноносцев. В итоге ночного рейда были потоплены или выведены из строя броненосцы “Наварин” и “Сисой Великий”, а также крейсера “Владимир Мономах” и “Адмирал Нахимов”. К утру 15 мая Вторая Тихоокеанская эскадра как организованная боевая сила перестала существовать. Соединения и отдельные корабли ее были разбросаны по Корейскому проливу и не имели между собой связи.

Оставшиеся на плаву русские корабли продолжали сражаться и наносить урон японскому флоту, но изменить результаты сражения уже было невозможно. Владивостока достигли лишь несколько кораблей эскадры. Поражение было сокрушительным – Вторая Тихоокеанская эскадра потеряла 8 эскадренных броненосцев, 8 крейсеров, 6 эскадренных миноносцев и другие корабли. Из 17 кораблей 1-го ранга 11 погибли, 2 были интернированы, 4 пленены. Потери японского Соединенного флота были невелики – 3 потопленных миноносца и несколько поврежденных кораблей.

В неравной борьбе с превосходящими силами противника погибло 5 045 русских моряков, более 800 было ранено и контужено, 6 106 человек попали в плен. У японцев было 699 убитых и раненых.

После победы на море японцы предприняли операцию по захвату Сахалина. 24 июня (7июля) 1905 г. японская эскадра из 53 судов, в том числе 12 транспортов, подошла к побережью залива Анива (Южный Сахалин), где был высажен десант, а 11 июля японские войска высадились в районе поста Александровский на Северном Сахалине. Для захвата острова была выделена целая дивизия (около 14 тыс. солдат и офицеров). В течение нескольких дней немногочисленный русский гарнизон, ведя артиллерийский огонь, не позволял противнику продвигаться вглубь острова. Потери японцев с момента высадки составили 70 человек, включая и офицеров. Отдельные бои и стычки русских отрядов и партизан как на юге Сахалина, так и в северной его части продолжались до 16 (29) июля. Спротивление прекратилось лишь тогда, когда у оборонявших остров не осталось боеприпасов и продовольствия и они вынуждены были принять предложение японского командира десанта генерала Канэтору Харагути сдаться. Хотя в военном отношении захват Сахалина не оказал существенного влияния на ход и исход войны, его потеря имела важное политическое и морально-психологическое значение, ибо это была единственная оккупированная японцами часть территории собственно Российской империи.

“ГРАФ ПОЛУСАХАЛИНСКИЙ”

В посвященной истории японско-русской войны литературе нет общего мнения по поводу согласия царя и российского правительства начать мирные переговоры с Японией. Так, бывший командующий русскими войсками на Дальнем Востоке генерал Куропаткин считал такое согласие поспешным и неоправданным. Он справедливо указывал на то, что одержанные японскими армией и флотом победы дались дорогой ценой: “Японцы потеряли только убитыми и умершими от ран до 110 тыс. человек, то есть цифру, равную всему составу армии в мирное время. Наши потери сравнительно с миллионной армией были в несколько раз меньше, чем у японцев. Во время войны в японских лечебных заведениях пользовалось около 554 000 человек, в том числе 220 000 раненых. Вместе с умершими от болезней японцы потеряли убитыми и умершими от ран и болезней 135 000 человек. В особенности японцы несли сильные потери в офицерах”. Безвозвратные потери России убитыми составили 50 тыс. человек, а Японии – 86 тыс. человек.

Генерал отмечал, что по мере продвижения японцев в Маньчжурии европейские державы и США уже с меньшим желанием соглашались продолжать финансировать ведение Японией войны. Он отмечал: «Первоначально казалось весьма выгодным для усиления положения Германии и Англии втянуть Россию в войну с Японией и, ослабив эти две державы, связать им руки: одной – в Европе, другой – в Азии. Но вовсе не в интересах европейских держав было допустить полное торжество японцев на маньч-

журских полях сражений. Соединившись с Китаем, победоносная Япония еще выше поставила бы на своем знамени клич: “Азия для азиатов”. Крушение всех европейских и американских предприятий в Азии было бы первой целью действий новой великой державы, а конечной целью ставилось бы изгнание европейцев из Азии». Отсюда делался вывод: “Мы могли воспользоваться поворотом общественного мнения и, прежде всего, затруднить снабжение японцев деньгами. Требовался один крупный успех наших войск, чтобы в Японии и в японских войсках реакция проявилась в сильной степени. Вместе с истощением денежных средств, при упорном продолжении нами войны, мы скоро могли бы поставить Японию в необходимость искать почетного и выгодного для нас мира”²³.

С точки зрения соотношения сил противоборствовавших сторон с мнением бывшего главнокомандующего можно согласиться. Военные ресурсы России были велики – ее людские и материальные резервы позволяли продолжать войну и, в конце концов, вытеснить Японию со всех захваченных ею позиций, возможно и из Кореи. К лету 1905 г. Россия, увеличив пропускную способность Сибирской магистрали, добилась заметного численного превосходства своей армии над японской. Численность русских армий в Маньчжурии была доведена до 445 500 штыков против 337 500 штыков японских. Исследователи этого вопроса отмечали, что “даже после цусимской катастрофы соотношение военных сил на суше вовсе не предопределяло для России необходимости тяжелого и унижительного мира”²⁴.

Однако царское правительство, будучи весьма обеспокоенным нарастанием в стране революционного движения, считало необходимым как можно скорее завершить непопулярную в народе войну и сосредоточиться на борьбе с внутренними врагами.

В Токио также стремились завершить войну на пике военных успехов своей страны, отчетливо сознавая, что длительную кампанию с Россией Японии не выдержать. Война до крайности истощила японскую казну и практически вычерпала все резервы.

О том, что японское правительство изначально рассчитывало на краткосрочный характер военных действий, свидетельствует факт разработки им еще в августе 1904 г. конкретных условий заключения мира. В перечне японских условий предусматривалось: Россия признает право Японии на свободу действий в Корее; ее войска выводятся из Маньчжурии; КВЖД используется исключительно для торгово-промышленных целей; Япония получает железную дорогу Харбин – Порт-Артур; Япония занимает Ляодунский полуостров. В “зависимости от ситуации” надлежало настаивать на pokryтии Россией военных расходов Японии, т.е. выплате контрибуции, а также уступке всего Сахалина и предоставлении Японии права на рыболовство в российских водах Приморья. Следует отметить, что инициативу мирных переговоров проявили японцы, когда в июле 1904 г. попытку соответствующего зондажа предпринял японский посланник в Лондоне Тадасу Хаяси.

К лету 1905 г. Япония потратила на войну около двух млрд иен, а ее государственный долг возрос с 600 млн иен до 2,4 млрд иен. Только по процентам японскому правительству предстояло ежегодно выплачивать по 110 млн иен. Полученные на проведение войны 4 иностранных займа тяжелым грузом лежали на японском бюджете. Тем не менее, в середине 1905 г. Япония была вынуждена взять новый заем. Понимая, что продолжение войны по причине отсутствия должного финансирования становится невозможным, японское правительство под видом “личного мнения” своего военного министра Масатакэ Тэраути через американского посланника еще в марте 1905 г. довели до сведения президента США желание войну закончить. Так как японцы не хотели, чтобы официальное предложение о мире исходило от них, расчет делался на посредничество США. Министр иностранных дел Японии Ютаро Комура заявлял американ-

²³ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002, с. 518–519.

²⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке, с. 230.

скому послу, что японское правительство ожидает от президента Т. Рузвельта помощи в склонении русского правительства к предложению начать мирные переговоры.

Как уже отмечалось, целью США было взаимное ослабление воюющих сторон, что должно было облегчить экономическое и политическое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В начале войны, в марте 1904 г. президент Рузвельт откровенно говорил германскому послу, что интересы США требуют затяжки войны между Россией и Японией. Заявлялось о желании, “чтобы обе державы возможно сильнее потрепали друг друга и чтобы после заключения мира не исчезли такие географические районы, в которых между ними имеются трения, так, чтобы в отношении границ сфер их интересов они противостояли бы друг другу приблизительно так же, как и до войны. Это сохранит их в состоянии военной готовности и умерит их аппетиты в других районах. Япония в таком случае не будет угрожать Германии в Цзяочжоу, а Америке на Филиппинах”. В другом случае Рузвельт замечал: “Может статься, что обе державы будут драться до тех пор, пока обе не будут полностью истощены, и тогда мир придет на условиях, которые не создадут ни желтой, ни славянской опасности”²⁵.

Для Германии, всячески подталкивавшей Николая II на войну с Японией, главным было ослабление России в Европе. С другой стороны, Берлин был заинтересован в расколе Антанты и образовании русско-германско-французского союза против Великобритании. Отсюда германский интерес “поспособствовать” России после серии позорных поражений с достоинством выйти из войны. Немцы не без основания полагали, что союзническая помощь Великобритании японцам будет расценена в Петербурге как одна из важных причин поражения, что неизбежно породит недоверие и даже враждебность к Лондону.

К лету 1905 г. для западных держав, включая и Великобританию, продолжение японско-русской войны уже не сулило геополитических выгод. Им было выгоднее не допустить полной победы одной державы над другой. Ибо, обретя господство над Кореей и всей Маньчжурией, Япония могла накопить силы и продолжить свое движение вглубь Китая, создавая реальную угрозу интересам европейских держав и США. Будущая гегемония Японии весьма беспокоила американцев, они желали сохранения присутствия России на Дальнем Востоке в качестве противовеса японцам. Президент США испытывал по этому поводу вполне обоснованные опасения: “Для нашего покоя уничтожение России как восточноазиатской державы было бы... несчастьем”²⁶. Видя экономическое истощение Японии, чреватое военным ослаблением, западные лидеры опасались перехода русских войск в контрнаступление и изгнания японцев с континента. В этом случае Россия на правах победителя могла рассматривать Маньчжурию, а также Корею как свои законные завоевания. Рузвельт же считал, что русских нельзя пускать на Корейский полуостров, а Порт-Артур должен быть “срыт”²⁷.

Для западных держав было выгодным способствовать заключению между Петербургом и Токио такого мира, при котором стороны продолжали бы рассматривать друг друга в качестве “естественных врагов”. При этом важно было предпринять все меры для того, чтобы полностью исключить возможность российско-японского объединения на антизападной основе. Для достижения этих целей надлежало контролировать процесс завершения войны и выработки условий мирного соглашения. Отсюда в Вашингтоне родилась идея сыграть роль посредника в организации российско-японских переговоров о мире. Однако не желавшее выступать в качестве стороны, просящей о мире, царское правительство не сразу откликнулось на предпринятый в марте 1905 г. зондаж Рузвельта. Тем не менее, тогда же российский министр иностранных дел через французов довел до сведения японцев позицию своего правительства, которая была сформулирована в виде своеобразного меморандума о четырех “нет”. Из повестки будущих переговоров о мире Петербург заведомо исключал согласие на уступки какой-

²⁵ Шацлло В.К., Шацлло Л.А. Указ. соч., с. 379.

²⁶ Романов Б.А. Указ. соч., с. 425.

²⁷ Шацлло В.К., Шацлло Л.А. Указ. соч., с. 379.

либо части русской территории, уплату военной контрибуции, изъятие железнодорожных линий по направлению к Владивостоку, уничтожение русского военного флота на Тихом океане.

Если до Цусимского сражения осуществлялся лишь закулисный дипломатический зондаж, то в конце мая японское правительство сочло выгодным, воспользовавшись поражением флота России, навязать царскому правительству свои условия мира. 31 мая японский министр иностранных дел Комура через японского посла в Вашингтоне обратился к Рузвельту с просьбой, выступив “всецело по своей инициативе”, пригласить воюющие стороны для переговоров друг с другом. Так как американцы были готовы к такому развитию событий, спустя несколько дней 5 июня президент поручает своему послу в Петербурге испросить аудиенцию у царя и от имени США предложить ему организовать встречу представителей России и Японии для начала переговоров о прекращении боевых действий и выработки мирного договора.

Узнав о намерениях американцев, царь незамедлительно созвал военное совещание под своим председательством. Присутствовавшие на совещании влиятельные члены августейшей фамилии с самого начала выступили поборниками завершения войны. Их главный довод состоял в том, что “следует искать мира, пока нам не нанесен решительный удар”. При этом открыто высказывался страх перед надвигающейся революцией. Дядя царя, великий князь Владимир Александрович возражал сторонникам продолжения войны: “Нам нужнее внутреннее благосостояние страны, чем победы... Из двух бед надо выбирать меньшую... Необходимо вернуть внутренний покой России”²⁸. Николай II соглашался с тем, что для подавления революции следует выйти из войны.

Генералы предлагали до начала обсуждения условий соглашения о мире активными действиями продемонстрировать японцам способность России продолжать вести войну до победного конца, что должно было умерить требования, с которыми Токио мог на пике своих успехов приступить к переговорам. При этом в качестве важного довода в пользу продолжения войны использовалась забота как о международном престиже России, так и морально-психологическом климате внутри страны. Свою озабоченность по этому поводу открыто высказывал на совещании военный министр В.В. Сахаров: “При нынешних условиях кончать войну невозможно. При полном нашем поражении, не имея ни одной победы или даже удачного дела, это – позор. Это уронит престиж России и выведет ее из состава великих держав надолго. Надо продолжать войну не из-за материальных выгод, а чтобы смыть это пятно, которое останется, если мы не будем иметь ни малейшего успеха, как это было до сего времени. Внутренний разлад не уляжется, он не может улечься, если кончить войну без победы. Не знаю настроения народа, не знаю, как он отнесется к этому вопросу, но получаемые мною письма и запросы отовсюду говорят о продолжении борьбы для сохранения достоинства и военной чести России”. Однако царь уже смирился с поражением и желал завершить войну, пока она не перекинулась на территорию российской метрополии. Он заявил: “До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет еще гораздо труднее и тяжелее”. Военное совещание пришло к заключению о том, что следует, не объявляя перемирия, сначала выяснить японские условия мира. Великий князь Владимир Александрович резюмировал: “Если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну”²⁹.

Встреча американского посла с царем состоялась 7 июня. Не без колебаний русский монарх согласился с идеей президента США о начале переговоров с японцами.

²⁸ Там же, с. 383.

²⁹ Красный архив, 1924, т. 6, с. 191–204.

Уже на следующий день Рузвельт официально обратился к воюющим державам с соответствующим предложением и заявил о готовности оказывать личное содействие в организации переговорного процесса.

В июле 1905 г. между американским военным министром У. Тафтом и японским премьер-министром Таро Кацура было оформлено соглашение, по которому США фактически присоединялись к англо-японскому союзу. При этом американцы соглашались на аннексию Японией Кореи в обмен на японские гарантии неприкосновенности Филиппин. Главным же было официальное согласие правительства США выступить посредником на российско-японских мирных переговорах.

Местом мирной конференции по предложению американцев был определен курортный городок на восточном побережье США – Портсмут. Заседания начались 9 августа 1905 г. Японское правительство представляли министр иностранных дел Комура и посол в США Когоро Такахира. Николай II назначил своими уполномоченными председателя кабинета министров Витте и русского посла в США барона Розена.

Японцы прибыли на переговоры, имея четкие инструкции правительства, в которых требования к России были подразделены на три категории по степени важности и обязательности выполнения. Так как японское правительство знало о категорическом несогласии царя и его правительства выплачивать контрибуцию, выдавать русские военные корабли, отказываться от Сахалина, эти и некоторые другие требования были отнесены во вторую группу уступок, которых следовало добиваться “в зависимости от обстановки”. В третью группу входили предназначенные скорее для торга явно завышенные и нереальные условия, как-то разоружение Владивостока и превращение его в чисто коммерческий порт, ограничение военно-морских сил России на Тихом океане.

Так как русской делегации было запрещено соглашаться с требованиями, затрагивающими собственно российские интересы и имущество, объектами дипломатического торга становились права двух держав в Китае и Корее. Хотя переход к Японии Порт-Артура, Даляня, Ляодунского полуострова и значительной части ведущих к ним русских железнодорожных линий означал, с одной стороны, вытеснение России из Маньчжурии, а с другой – создание Японией здесь угрожающего русским дальневосточным землям военного плацдарма, русское правительство не могло этому противиться. По сути дела “очищение Маньчжурии” было главным условием, на которое могли согласиться русские уполномоченные ради достижения соглашения о мире. Другими словами, царское правительство намеревалось расплатиться за свою политическую и военную несостоятельность независимостью и интересами корейского и китайского народов.

Как и ожидалось, в Портсмуте японцы сначала предъявили максимальные требования. Они были сведены в 12 пунктов:

1. Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не препятствовать тем мерам руководства, покровительства или надзора, кои Япония считает нужным принять в Корее.

2. Россия обязуется совершенно эвакуировать Маньчжурию в течение определенного срока и отказаться от всех территориальных выгод и преимущественных исключительных концессий и прав в этой местности, нарушающих китайский суверенитет и несовместимых с принципом одинакового благоприятствования.

3. Япония обязуется возратить Китаю под условием проведения им реформ и улучшения управления все те части Маньчжурии, кои находятся в ее оккупации, включая те, на кои распространяется аренда Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия взаимно обязуются не препятствовать общим мерам, кои Китай признает нужным принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5. Сахалин и все прилегающие острова и все общественные сооружения и имущества уступаются Японии.

6. Аренда Порт-Артура, Талиена (Дальнего) и прилегающие местности и территориальные воды, а равно все права, привилегии, концессии и преимущества, при-

обретенные Россией у Китая в связи или как часть этой аренды, и все общественные сооружения и имущества передаются и закрепляются за Японией.

7. Россия предоставляет и передает Японии свободную от всех претензий и обязательств железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром и все ее разветвления вместе с правами, привилегиями, преимуществами и всеми угольными копиями, принадлежащими или разрабатываемыми в пользу железной дороги.

8. Россия удерживает и эксплуатирует Транс-маньчжурскую железную дорогу на условиях и в зависимости от концессии на ее сооружение, а также под условием, что дорога будет эксплуатироваться исключительно для коммерческих и промышленных целей.

9. Россия возмещает Японии действительные издержки за войну. Размер, а равно время и способ этого возмещения будут определены впоследствии.

10. Все русские военные суда, получившие повреждения и интернированные в нейтральных портах, будут выданы Японии как законные призы.

11. Россия обязуется ограничить свои морские силы в дальневосточных водах.

12. Русское правительство предоставит японским подданным полные права рыбной ловли вдоль побережья, в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений и Японском, Охотском и Беринговом морях.

В качестве контрибуции японское правительство потребовало от России огромную по тем временам сумму в 1,2 млрд иен (в то время иена равнялась приблизительно русскому золотому рублю). Для царского правительства выплата контрибуции была оскорбительной, тем более что Россия не считала себя побежденной. Понимали это и японцы, которые знали, что в случае срыва переговоров русские возобновят активные боевые действия, имея в Маньчжурии полмиллиона солдат и две тысячи орудий. В ответ на японские требования Витте резонно заявлял: “Если бы Россия была окончательно разбита, что было бы лишь в том случае, если бы японские войска пришли в Москву, тогда только мы сочли бы естественным возбуждение вопроса о контрибуции”³⁰. Официальная русская позиция по вопросу о контрибуции состояла в следующем: “Военные издержки уплачиваются только странами побежденными, а Россия не побеждена. Не может считать себя побежденной страна, территория которой почти не подвергалась нападению со стороны неприятеля... Только в том случае, если бы японские войска победоносно заняли внутренние области России, страна могла бы понять возбуждение вопроса о возмещении военных издержек”³¹. Единственное, на что соглашалась русская делегация по финансовым вопросам, была компенсация затрат на содержание в Японии русских военнопленных, да и то на основе взаимности.

Как беспрецедентное и нарушающее достоинство державы было расценено и требование “передать” Японии все русские военные корабли, получившие повреждения и интернированные в нейтральных портах. Не вписывалось в нормы международного права и внесение в текст мирного договора нарушавшее суверенитет России требование ограничить ее военно-морские силы. Довольно скоро японцы осознали несуразность подобных условий и отказались настаивать на их выполнении.

Центральным же вопросом мирных переговоров была судьба Сахалина. Как отмечалось выше, в июле 1905 г. весь остров был захвачен японскими войсками. Требование Токио уступить Сахалин не могло быть мотивировано какими-либо разумными основаниями и воспринималось русским правительством как агрессивное покушение на целостность Российской империи. Позиция Петербурга по поводу японских домогательств была жесткой. В инструкции в адрес Витте указывалось: “Ни пяди земли, ни копейки вознаграждения”. Столкнувшись со столь твердой позицией, японцы предложили “компромисс” – Россия уступает Японии не весь, а южную половину Сахалина с уплатой 1,2 млрд иен за сохранение в своем составе северной части острова. Нуждавшееся в деньгах японское правительство выдвинуло это предложение, стре-

³⁰ Шацлло В.К., Шацлло Л.А. Указ. соч., с. 393.

³¹ Там же.

мясь получить намеченную сумму контрибуции под видом выкупа Россией своей же территории. Несуразность такой постановки вопроса была очевидна, поэтому Витте решительно отверг предложенный японцами “вариант”.

Переговоры были прерваны, что обеспокоило не только японцев, но и американцев. Президент Рузвельт, стремясь не допустить провала своей посреднической деятельности, решил напрямую вмешаться в переговоры. Понимая, что решение о Сахалине будет приниматься на высшем уровне в Петербурге, он 22 августа через посла США в России направил личное послание Николаю II. В нем президент настойчиво советовал уступить японцам в их требовании южной половины Сахалина и выплате возмещения за сохранение другой половины. Свой “совет” Рузвельт сопроводил плохо завуалированной угрозой возобновления войны, в результате чего японцы могут-де захватить всю Восточную Сибирь. В своих последующих посланиях царю он обещал повлиять на японцев с тем, чтобы сумма выкупа северной половины Сахалина была разумной.

Приняв 23 августа американского посла, Николай II, в конце концов, дал согласие учесть предложение Рузвельта и ради установления мира пожертвовать половиной принадлежавшего России острова Сахалин. В направленной 12 августа Витте телеграмме сообщалось: “Государь император... готов уступить южную половину Сахалина, но ни в коем случае не согласен на выкуп северной, ибо, по словам его, всякий молодец поймет, что это – контрибуция”³². Не имевшее резервов и не уверенное в продолжении финансовой помощи западных держав, японское правительство сочло за благо принять русское предложение: уступка половины Сахалина и полный отказ от выплаты денег, за исключением только обоюдного возмещения за содержание военнопленных.

5 сентября 1905 г. был заключен положивший конец японско-русской войне Портсмутский мирный договор. Согласно статье 9-й договора Россия уступала Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель. Обе стороны обязывались не возводить на острове укреплений и не препятствовать свободному плаванию в Лаперузовом и Татарском проливах.

Стремясь снять с Николая II ответственность за сдачу японцам российской территории – Южного Сахалина, царское правительство и двор представляли эту уступку как проявление дипломатического таланта Витте, который якобы добился весьма многого в отстаивании на переговорах интересов России. С этой целью он был с помпой возведен в графское звание и всячески прославлен. В 1905 г. в журнале “Нива” отмечали: «Наибольшие затруднения встретились по вопросу о контрибуции, уступке Сахалина, передаче Японии всех интернированных в иностранных гаванях русских военных судов и ограничения прав России увеличивать свой флот на Тихом океане. По всем этим пунктам Россия ответила категорическим отказом и только после личного вмешательства президента Рузвельта согласилась на уступку южной части острова в границах прежних японских владений. Сама по себе уступка части Сахалина для России тоже не имеет никакого практического значения, так как баснословные минеральные богатства нами не разрабатываются и потому не оправдывают значительных расходов на управление ими. Но, зато, в моральном отношении эта жертва, принесенная Россией на алтарь мира, несомненно, стоит нам очень дорого, так как по общепринятому правилу уступка территории равносильна официальному признанию себя побежденной страной. Наши уполномоченные, очевидно, не хотели жертвовать реальными выгодами во имя условных понятий и предпочли уступить часть нашей области, дабы избавить свою страну от продолжения кровопролития, колоссальных военных расходов и риска новых неудач. При тех условиях, в которые мы были поставлены, более сносный мир едва ли был бы возможным. Россия имеет полное право радоваться такой развязке и считает ее благополучной, потому что при недостаточной боевой организации армии, флота и путей сообщения с театром военных действий, при

³² Красный архив, 1924, т. 6, с. 40.

бесперывных забастовках на заводах военного и морского ведомств и беспорядках внутри империи, наименьшее зло должно считаться уже за положительное благо. При наличии таких условий никто бы не решился взять на свою совесть риск продолжать войну без уверенности в победе, потому что, в случае новых неудач, заключение мира обошлось бы гораздо дороже. Простое государственное благоразумие заставило наших уполномоченных считать худой мир лучше доброй ссоры. С решимостью и хладнокровием государственных людей они пожертвовали самолюбием народа во имя его спокойствия...

Высочайшим Указом от 18-го сентября наш “мирный победитель японцев”, С.Ю. Витте, в награду за свою замечательную деятельность на Портсмутской конференции возведен в графское достоинство. Награда эта, по словам Указа, даруется ему именно “в воздаяние его заслуг перед Престолом и Отечеством и отличного выполнения возложенного на него поручения первостепенной государственной важности”»³³.

Однако подобные славословия и панегирики не могли скрыть позор поражения царизма. Возведение в графское достоинство было воспринято с большой долей сарказма и издевкой – в народе Витте окрестили “Графом Полусахалинским”. Нелестные оценки за унижение России и многочисленные бесполезные жертвы были даны и русскому монарху, как и всему его прогнившему режиму.

Вопреки утверждениям апологетов царского режима о якобы малой значимости для России потери Сахалина, отторжение южной части острова привело к принципиальным изменениям всей юридической базы территориального размежевания двух стран. Уже сам факт вероломного нападения Японии на Россию в 1904 г. являлся грубейшим нарушением положений Симодского трактата 1855 г., в котором провозглашался “постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией”. Воспользовавшись поражением России в войне, Япония отторгла южную часть Сахалина не по 47° северной широты, как этого добивалось японское правительство до подписания Петербургского трактата 1875 г., а по 50°, т.е. территорию, на которой в прошлом японцы никогда не бывали. При этом, важное значение имело то, что с момента заключения Портсмутского договора фактически прекращалось действие так называемого “обменного” договора 1875 г., ибо отторжение половины Сахалина привело к утрате смысла и содержания этого соглашения, предусматривавшего в обмен на отказ от претензий на Сахалин добровольную передачу Японии всех Курильских островов. По инициативе японской стороны в приложении к протоколам Портсмутского договора было включено условие о том, что все прежние договоры Японии с Россией аннулируются. Тем самым теряли силу Симодский трактат о торговле и границах 1855 г., “обменный” договор 1875 г. и заключенный 1895 г. трактат о торговле и мореплавании. Это было особо оговорено в приложении к договору № 10.

Таким образом, настояв на отторжении в свою пользу южной половины Сахалина, японское правительство лишилось юридического права владеть Курильскими островами. В отсутствие какого бы то ни было нового соглашения о принадлежности Курил в последующие годы Япония владела ими только де-факто.

³³ Малоизвестные страницы Русско-японской войны..., с. 336–341.